

нейшее значение имеет заимствование более эффективных технологий, инвестиции в перевооружение отраслей.

Основными инструментами избежания «ресурсного проклятия» являются развитые экономические, политические и гражданские институты и реальные программы развития высокотехнологичных производственных комплексов, на развитие которых должны идти средства от реализации ресурсов. Такие фонды, как Национальный должны контролироваться не только государственными институтами, но и гражданскими, так как это накопления будущих поколений. А эти накопления должны вкладываться в высокотехнологичные производства, которые будут приносить доход в будущем, а не сберегаться как валюта или ценные бумаги. Именно такие программы могут обеспечивать экономический рост сейчас и в будущем.

#### Список литературы

1. Как избежать ресурсного проклятия; под ред. М. Хамфрис, Д. Сакс, Д. Стиглиц. – М.: Издательство Института Гайдара, 2011. – 238 с.
2. Хотеллинг Г. Экономика исчерпаемых ресурсов // Вехи экономической мысли. Теория потребительского поведения и спроса. Т. 3. – СПб.: Экономическая школа, 1999. – С. 262–303.
3. Auty R. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. London: Routledge. 1993.
4. Ayittey G.B.N. Nigeria's Struggle with Corruption. Testimony before the Committee on International Relations' Subcommittee on Africa, Global Human Rights and International Operations House Sub-Committee on Africa, U.S. House of Representatives, May 18, Washington, DC. 2006.
5. Collier P., Hoeffler A. Greed and Grievance in Civil Wars. Working Paper, World Bank. WPS 2000-18.
6. Макроэкономический обзор. Экономика Казахстана в прошедшем десятилетии и перспективы развития в 2011 году. АИРИ. – [www.airi.kz](http://www.airi.kz).
7. Статистический сборник. Социально-экономическое развитие Казахстана в 2012 году. – [www.stat.kz](http://www.stat.kz)
8. Полтерович В., Попов В., Тонич А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. – 98 с.

#### **«Актуальные проблемы образования», Греция (Крит), 18-25 октября 2012 г.**

#### **Культурология**

#### **«ТЕБЕ ЛИ, НЕЧЕСТИВИЦЕ, О ПОЩАДЕ МОЛИТЬ?» МУЖЕУБИЙЦА В ДОПЕТРОВСКОЙ МОСКОВИИ В ПРИЗМЕ ЭТНО-РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДРАССУДКОВ**

Козлова О.А.

*Институт этнологии и антропологии  
имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии  
наук, Москва, e-mail: [koa100011@rambler.ru](mailto:koa100011@rambler.ru)*

Вопросом юридических прав женщины в московитском обществе XVII – начала XVIII в. занимались и продолжают заниматься как отечественные, так и зарубежные исследователи. Среди отечественных исследователей следует особо отметить И.Е. Забелина, Н.И. Костомарова и В.О. Ключевского (дореволюционный период), А.К. Леонтьева, Ю.М. Лотмана (советский период). Современные исследователи, такие, как Н.Л. Пушкарёва, Л.П. Репина, М.В. Корогодина, больше внимания уделили бытовой сфере, но сфокусировали внимание на изучении повседневности в призме гендерных исследований. Потому в большинстве своём вопрос, касающийся непосредственно правовой сферы и сферы наказания мужеубийц в российской истории остаётся частично незавершённым. Иностранные исследователи – Н. Бошковска, Д. Кайзер, Е. Левин, Н.С. Коллман – также заострили внимание именно на гендерной сфере изучения истории повседневности русского общества указанного времени.

Безусловно, что такой сложный и преступный момент, как убийство мужа своей же же-

ной, являлся следствием проблем в семейной жизни семьи, частых издевательствах мужа над женой, которые в патриархальной Московии не рассматривались обществом, как нечто предосудительное или недопустимое, а, напротив, воспринимались как факт воспитания мужем своей супруги, стало быть, несли положительный аспект в духовную и моральную жизнь семьи.

Большим негативом семейной жизни являлся тот факт, что супруг мог завести «любезную», вследствие чего в семье начинался разлад. Деятельная жена могла подать на мужа жалобу, обвинить его в прелюбодеянии и развестись с ним (но только при открытом нарушении супругом верности), (также развод был возможен в том случае, если супруг в силу физической немощи не выполнял супружеских обязанностей, жена девушкой уходила от него, выходила замуж вторично, и общественное мнение было полностью на её стороне). Однако, подобное явление в русском обществе того времени весьма эпизодично. Как правило, развод был возможен только в случае, если его допускала церковь: если один из супругов «уходил к Богу», т.е. в монастырь. Но, как совершенно справедливо отмечает в своей работе «Женщины Древней Руси» Н.Л. Пушкарёва, поводы к разводу были различны и разводы не часто, но совершались, с точки зрения законности со стороны церкви и государства.

Если же женщине не удавалось развестись, то муж мог затаить злобу и мстить жене, избивая её. Били своих жён, в основном, пьяницы – били за погрёхи и из ревности – били, чем попало (палкой, рогачом (ухватом), сапогами, ве-

дром, кулаками, пинком), и порой даже убивали, случалось, женщины от побоев умирали, не приходя в сознание.

Тем не менее, избиение жён мужьями, особенно с религиозной точки зрения, не считалось чем-то предосудительным. Девушки, воспитанные в религиозных семьях, согласно канонам Домостроя, были уверены, что побои в данном случае являются признаком любви. Вообще, сам Домострой, воспевавший образ идеальной жены (ярким примером того стала Ульяния Осорьина, жившая в конце XVI – начале XVII вв., о которой упоминает в своём Житии и протопоп Аввакум, считая её и боярыню Феодосию Прокопьевну Морозову воплощением настоящей русской женщины-христианки), советует всё же мужчинам прибегать к силе. Бить женщин кулаком по лицу и глазам или пользоваться для этого железным или деревянным орудием он запрещает, указывая на необходимость бить жену вежливо, плёткой, утверждая, что это «и разумно, и больно, и страшно, и здорово».

Потому некоторые мужья, желая избавиться от супруги, изводили её либо жестокими побоями, либо невыносимыми моральными издевательствами, доводя тем самым женщину до совершения преступления.

Если женщина пользовалась чрезмерной, ревнивой любовью мужа, то её несчастье могло заключаться в том, что благоверный приставлял к ней соглядатаев из служанок и холопов, или же своих родственников, которые докладывали, а нередко и перетолковывали ему каждый шаг его жены. За это мужчина мог «наказать» супругу, руководствуясь исключительно подозрением, следствием чего опять же становились издевательства и побои.

О том факте, что случаи убийства мужчин своими женами имел место быть в допетровской и раннепетровской Московии, говорят исторические источники. В Полном собрании законов Российской империи (Т.1, указ № 335, Именной указ. Об окапывании в землю жён за убийства мужей их. С. 577) ясно говорит: «Жёнок, которые сидят в убийствах мужей своих, и в тех убийствах на себя говорили: и за те их воровства, и мужей их за убийства, и тех жёнок, ..., окапывать в землю по-прежнему...».

Необходимо выяснить значение самого термина «мужеубийца» и того, кто из женщин мог входить в состав этой категории. Согласно текстам исторических источников и законодательных актов, мужеубийцей считалась женщина, совершившая убийство своего мужа – как прямо, так и косвенно. В прямом значении этого понятия входили преступления, совершенные лично женщиной против своего мужа или при содействии сообщников. То, каким способом было совершено убийство, не имело значения: важен был сам факт преступления. В косвенном значении подразумевалось то, что женщина

совершала убийство мужа через подосланных наёмных убийц или сговорившись с сообщниками, которые брали на себя выполнение преступления.

Казнь мужеубийцы была одной из самых страшных, что объяснялось сложным комплексом этических и религиозных причин: патриархальное общество Московии не могло простить женщине покушения на самый непререкаемый и наивысший свой авторитет – жизнь мужчины. Женщина, ставшая вдовой по воле случая или в силу ряда обстоятельств, почиталась в обществе, как мученица, т.к. потеряла мужа – главный источник своей жизни и её смысл. Женщина, покушавшаяся на жизнь своего мужа по доброй воле, не заслуживала снисхождения и подвергалась самой жестокой казни, которую только смогли придумать в Московии – окапыванию в землю живо.

Уникальность этой казни состояла в том, что принадлежность ни к какому сословному статусу не могла спасти женщину от этого наказания. Подобная казнь равняла собой всех женщин – от представительниц знатного сословия до простых крестьянок.

Порой женщина, желая избавиться от навязываемых издевательств (или же в силу корысти или того, что она могла полюбить кого-то другого), сознательно шла на убийство мужа. Как ни чудовищно по своей жестокости было наказание за это преступление (а оно никого не миновало, несмотря на отзывы о добродетелях и достоинствах или же материальном положении и социальном статусе женщины), отважившиеся на него были. Как уже отмечалось, мужеубийцу живо закапывали в землю (по пояс, по грудь или по шею) и оставляли на съедение червям и смерти от голода и жажды, а тем, кто вдруг мог сжалиться над несчастной, полагалось кидать ей не еду, а деньги на помин грешной души. Ослушников ждала суровая кара. Если женщина была беременна, её заключали в тюрьму, и, по истечении срока и рождении ребёнка (который был неповинен в глазах общества в преступлении своей матери и которого отдавали на воспитание в семью отца или его ближайшим родственникам) её всё равно отводили на казнь «... без всякия пощады...».

Как ни странно, но даже модернизация, проведённая Петром Великим в начале XVIII в., не изменила положения мужеубийц и наказания за их преступление, о чём подробно повествует в своём дневнике посол императора Леопольда I И.Г. Корб, ставший свидетелем этого случая: «...Между прочими разговорами господин императорский посол завёл речь о наказании жён за убийство мужа и сказал, что во всеобщем обыкновении, если которая из этих несчастных проживёт в яме три дня, её вынимают и заключают в монастырь, где она должна вести трудовую жизнь...».

Царь, который что-то смутно из этого услышал, спросил, о чём говорят, и, когда узнал, что разговор шёл об облегчающем наказание обычае, сказал, между тем как все слушали его с большим любопытством: «В доказательство, как мало это обыкновение соблюдается, я вам скажу, что мне самому известно, что одна женщина была не так ещё давно приговорена к подобному наказанию и не прежде как по истечении двенадцати дней умерла с голоду и получила, таким образом, заслуженное возмездие за своё преступление. А что она действительно без пищи так долго жила в яме, то в этом нельзя сомневаться, так как часовым, приставленным к осуждённым такого рода, запрещено, под опасением жесточайшего телесного наказания, передавать им хлеб или воду, потому что через это они могли бы подкреплять свои силы и мучения их были бы от того продолжительнее». Говорят, что сам царь ходил к ней в глубокую полночь и расспрашивал её, думая, что, может быть, найдёт возможность простить её; но преступление её было так велико, что прощение могло бы послужить дурным примером для других.

Говорили также, что царь хотел, чтобы один из часовых пристрелил эту женщину из ружья и тем самым освободил её от дальнейших мучений, но генерал Лефорт был противоположного мнения, сказав, что недостойно воина стрелять в женщину и притом ещё виновную в смертоубийстве. Сими и подобными им словами произвёл Лефорт на царя такое впечатление, что он оставил несчастную ожидать своей смерти...».

У нас нет оснований не доверять свидетельству И.Г. Корба, но в данном случае удивляет реакция Ф. Лефорта, человека европейского происхождения и воспитания, который, однако, не счёл нужным пожалеть несчастную, безусловно, заслуживающую сострадания. Очевидно, это объясняется как патриархальным настроением московитского общества, так и желанием царедворца Ф. Лефорта следовать порядкам и традициям, принятым в обществе, в котором он жил.

Также весьма любопытен ещё один случай, который также приводит И.Г. Корб: «...Одна женщина убила мужа и мать, и, когда следователь спросил у неё, что могло довести её до совершения такого нечеловечного поступка и разве она не знает, как строго наказываются преступления этого рода, то она, к большому его изумлению, не выказывая ни малейшего страха, отвечала ему? «Я недавно видела, как две женщины за убийство мужа подвергнуты были

медленной смерти в ямах, и хотя не сомневаюсь, что и меня ожидает то же самое наказание, однако же я ни о чём не прошу, будучи вполне довольна тем, что, убив мужа и мать, могу гордиться столь отважным делом». Обыкновенная казнь в ямах увеличена для этой женщины ещё тем, что ей сожгли члены...».

Двойственный характер петровских реформ, несмотря на откровенную вестернизацию и проевропейскую направленность, остаётся открытым вопросом, поскольку, несмотря на проводимые Петром Великим преобразования, строгая патриархальная направленность общества, воспитанного в рамках канонов Домостроя, сохранилась и при Петре I, что столь откровенно нашло своё отражение в юридическом аспекте прав и обязанностей женщины в московитском обществе XVII – начала XVIII в. По мнению М.В. Корогодиной, вся совокупность источников позволяет говорить о трех уровнях восприятия современниками положения и роли женщины в русском обществе в позднее Средневековье: церковно-канонический, бытовой и социальный. Все эти аспекты непосредственно влияют на юридический статус и права русской женщины в обществе независимо от её сословной принадлежности.

Хотелось бы акцентировать внимание на том, что исследование вопросов, связанных с трактованием и восприятием учёными сложного спектра юридических прав и обязанностей женщин в московитском обществе XVII – начала XVIII в., особенно связанных с феноменом юридического термина «мужеубийца», пока ещё не достигло того уровня, который полагается в данном случае, когда речь идёт об изучении этого вопроса.

Необходимо полноценное исследование вопросов, связанных с тем, что могло толкнуть женщину на совершение преступления, были ли возможны хотя бы незначительные отхождения от принятого закона, дабы возможно было отнести к наказанной с полагавшимся снисхождением, существовал ли шанс у женщины на помилование и замену смертной казни более гуманным наказанием и т.д. Этот комплекс вопросов весьма сложен и проблематичен, но он нуждается в дальнейшем исследовании, т.к. без его полноценного изучения невозможно верное научное описание повседневного, социального, культурного и юридического аспектов жизни допетровского и раннепетровского русского общества.